

Эктумаев Алихан Бесланович**Ektumaev Alikhan Beslanovich**

кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного
и финансового права
Пермского государственного национального
исследовательского университета

PhD in Law,
Assistant Professor,
Constitutional and Financial Law Department,
Perm State National Research University

ПРЕДЕЛЫ И ГРАНИЦЫ ПРАВА НА СВОБОДУ СЛОВА

METES AND BOUNDS OF THE FREEDOM OF EXPRESSION

Аннотация:

Статья посвящена рассмотрению вопроса о пределах и имманентных границах конституционного права на свободу слова. В работе широко представлены основные подходы, которые существуют по данному вопросу в науке конституционного права. Автор в своих выводах раскрывает сущностное содержание понятий пределов и границ права на свободу слова.

Ключевые слова:

пределы, границы, конституционные права, конституционные свободы, право на свободу слова.

Summary:

The article discusses the question of the metes and inherent bounds of the constitutional right to freedom of expression. The research describes in detail the basic approaches that exist on this subject in the science of constitutional law. The author in his conclusions reveals the essential content of the concepts of metes and bounds of the right to freedom of expression.

Keywords:

metes, bounds, constitutional rights, constitutional freedoms, right to freedom of expression.

В российской науке о конституционном праве нет единой точки зрения на вопрос о содержании и соотношении понятий «границы конституционных прав и свобод» и «пределы конституционных прав и свобод». Ученые высказывают различные мнения, в том числе прямо противоположные. Данное обстоятельство обусловлено различными причинами.

Следует отметить, что, по мнению большинства авторов, содержание данных понятий не совпадает и любое их смешение является методологически неверным. Каждое из названных понятий требует самостоятельного теоретико-правового исследования, которое целесообразно осуществлять на комплексной основе [1].

В научной литературе наибольшее признание получило определение понятия пределов прав и свобод, предложенное Л.Д. Воеводиным. Под пределами конституционных прав и свобод автор понимает характерную для каждого исторически конкретного государства совокупность критериев и ориентиров, сложившихся на основе социальных ценностей, существующих в исторически конкретном обществе. К таким критериям и ориентирам относят общественные интересы, долговременные интересы государства, утверждение гражданского мира и согласия, утверждение суверенной государственности, стремление обеспечить благополучие граждан. Эти критерии (ориентиры) носят универсальный характер. Это контуры осуществления конституционных прав и свобод, которые очерчивают сферы их действия, фиксируют место и роль в системе социально-политических явлений [2].

В то же время исследователи обоснованно указывают, что определение, сформулированное Л.Д. Воеводиным, не позволяет установить конкретные пределы осуществления конституционных прав и свобод [3]. Попытки решить данную проблему в науке о конституционном праве предпринимались В.В. Лапаевой, Л.П. Глухаревой, Б.С. Эбзеевым и рядом других авторов.

По мнению Б.С. Эбзеева, пределы основных прав должны быть тождественны конституционному строю [4]. Как отмечает В.В. Лапаева, они задаются конституционным принципом формально-юридического равенства (ч. 3 ст. 17 Конституции РФ) [5]. Ответ на вопрос о пределах осуществления субъективных прав человека, подчеркивает Л.И. Глухарева, позволяет точно обозначить формальное положение человека в системе общественных отношений, его возможности с учетом развития общества [6].

Подчеркнем, что, во-первых, при решении вопроса о пределах прав и свобод человека и гражданина следует исходить из того, что права и свободы должны быть соотнесены с ценностями гл. 1 Конституции РФ, закрепляющей основы конституционного строя. Данное положение находит обоснование в требовании ч. 2 ст. 16 Конституции РФ, в соответствии с которой никакие другие положения Конституции РФ (в том числе и положения о правах и свободах) не могут противоречить основам конституционного строя РФ.

Основы конституционного строя как базовый ориентир позволяют определить конституционно-правовую природу прав и свобод человека на онтологическом уровне в соответствии с другими конституционно охраняемыми ценностями. Система основных ценностей гл. 1 Конституции РФ является иерархизированной, поскольку ориентирована на права и свободы как ценность высшего порядка (ст. 2 Конституции РФ).

Во-вторых, пределы прав и свобод определяются основными статусными положениями личности. Согласно ст. 64 Конституции РФ, права и свободы, закрепленные в гл. 2 Конституции РФ, составляют основы правового статуса личности в Российской Федерации. Основы правового статуса личности – это конституционный контур прав и свобод, фиксирующий место и роль человека в общественной жизни.

В-третьих, пределы прав и свобод определяются с учетом их непосредственного действия, обеспечиваемого деятельностью законодательной, исполнительной, судебной власти и местным самоуправлением (ст. 18 Конституции РФ).

Таким образом, пределы прав и свобод человека и гражданина определяются разноуровневыми ориентирами (критериями): 1) основами конституционного строя (гл. 1 Конституции РФ), 2) основами правового статуса личности (гл. 2 Конституции РФ), 3) конституционными условиями их непосредственного действия, обеспечиваемыми институтами публичной власти (ст. 18 Конституции РФ).

Анализ постановлений Конституционного суда РФ позволяет утверждать, что в целом Суд придерживается обозначенного подхода, хотя выявление Судом смысла понятия «пределы конституционных прав и свобод» нельзя считать окончательно оформленным.

Например, Конституционный суд РФ в одном из постановлений определил установление пределов осуществления права как возможные его ограничения и нахождение разумного баланса различных конституционно защищаемых ценностей, конкурирующих прав и законных интересов [7]. В другом постановлении Конституционный суд РФ использовал положения ст. 7 (ч. 1), 8 (ч. 2) и 17 (ч. 3), составляющих основу конституционного строя, в качестве определенных Конституцией РФ пределов права собственности [8].

Обращаясь к понятию «границы конституционных прав и свобод», отметим, что его содержание раскрывается в соотношении с понятием «пределы конституционных прав и свобод».

При таком подходе границы прав определяются, как отмечает К. Хессе, установлением взаимосвязи между условиями жизни, которые гарантированы правами свободы, и другими условиями, которые не гарантированы правами свободы, но являются важными для жизни общества. Поэтому последние также охраняются или должны охраняться с общеправовой точки зрения. Уточняя эту мысль, автор рассматривает ограничение прав как установление взаимосвязи между правами свободы и другими достижениями права. Последние следует рассматривать в качестве пределов осуществления конституционных прав и свобод. Установление и сохранение такой взаимосвязи должно обеспечивать действенность как гарантированных основными правами свобод, так и других достижений права [9].

Одним из аспектов обозначенного подхода является высказывание В.В. Лапаевой. По мнению ученого, в нормативном положении ч. 3 ст. 55 Конституции РФ о том, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены в целях защиты прав и законных интересов других лиц, речь идет об определении в федеральном законе пределов реализации прав и свобод в смысле ч. 3 ст. 17 Конституции РФ [10]. Отсюда следует, что ограничение конституционных прав и свобод представляет собой установление взаимосвязи данного права с пределами его осуществления.

Исходя из указанных отправных положений, следует обратиться непосредственно к содержанию понятия «границы конституционных прав». К. Хессе подчеркивает важное обстоятельство, которое очерчивает границы основных прав. Оно состоит в том, что ограничение основных прав определяет значение содержания каждого из прав свободы [11]. Неслучайно исследователи подчеркивают, что фактически ограничения служат базой для познания отдельных основных прав [12]. Отдельное конституционное право с точки зрения значения его содержания в обществе должно быть выделено из других конституционных прав, обладающих собственным содержанием.

Конституционные права и свободы по значению их содержания являются несовпадающими. Конкретные права и свободы заканчиваются там, где заканчиваются их вопросы и начинаются вопросы других прав и свобод. Отсюда следует, что границы определяют сферу действия определенного права. Вне этой сферы возникают права других участников отношений.

Содержание конституционных прав и свобод, их значение определяется конституцией. Конституция представляется основой для определения границ конституционных прав. Как справедливо замечает К. Хессе, права свободы, предоставляемые по основным правам, подкрепляются конституцией. В силу этого границы предоставляемых прав могут устанавливаться только конституцией [13].

По характеру закрепления в тексте конституции выделяют определенные виды границ конституционных прав и свобод. Наиболее важными являются те из них, которые определяются как границы, имманентные основным правам. Эти имманентные основным правам границы обусловлены сферой действия конституционных положений, закрепляющих права и свободы. Любое из них обретает свою границу прежде всего там, где объективно кончается круг его вопросов [14].

Например, имманентную границу права на свободу вероисповедания составляет «вера», являющаяся предметом его гарантии. Предметом гарантии и, следовательно, имманентной границей права собственности является «собственность». Для права на свободу слова предметом гарантии (или имманентной границей) является «свобода коммуникации». Следовательно, имманентные конституционным правам и свободам границы определяются предметом их гарантии.

Важно подчеркнуть, что имманентные границы могут устанавливаться посредством дополнительных нормативных предписаний, содержащихся в отдельном праве свободы. Например, конституционное право на свободу собраний ограничено правом собираться мирно. Право собираться мирно – это дополнительное нормативное предписание, которое содержится в конституционном праве собраний.

Положение ч. 1 ст. 29 Конституции РФ, закрепляющее право на свободу слова, непосредственно не включает дополнительных нормативных предписаний. Следует признать, что в качестве единственной имманентной границы основного права на свободу слова выступает предмет его гарантии.

Предметом гарантии конституционного права на свободу слова является свобода коммуникации. Коммуникация образует исчерпывающий перечень вопросов права на свободу слова. В этом круге вопросов свобода слова обретает свои имманентные границы.

Имманентные ограничения конституционных прав определяются как ограничения по существу [15]. Такие ограничения обнаруживает и Б.С. Эбзеев. Он отмечает, что границы конституционных прав представляют собой допускаемые Конституцией РФ изъятия из конституционного статуса человека и гражданина [16].

В этом смысле к ограничениям свободы слова по существу следует отнести: запрет на сбор и распространение информации о частной жизни лица без его согласия (ч. 1 ст. 24 Конституции РФ), запрет определенных видов агитации и пропаганды (ч. 2 ст. 29 Конституции РФ). Кроме того, сюда же относится устанавливаемая Конституцией РФ в ч. 2 ст. 51 обязанность давать свидетельские показания.

Нужно признать еще одно весьма важное обстоятельство, связанное с ограничением права на свободу слова по существу. Установление ответственности за сокрытие информации, указанной в ст. 41 и 42 Конституции РФ, предполагает принуждение к ее раскрытию (разглашению), т. е. по существу принуждение к коммуникации.

Следует также выделить ограничения свободы слова по форме. Среди ограничений по форме выделяют юридически определенные рамки для осуществления права на свободу слова. Эти рамки устанавливаются не прямыми запретами, а исходя из соотношения права на свободу слова с иными конституционно защищаемыми ценностями. При этом следует иметь в виду, что свободы, которые предоставляются конституционными правами, неизбежно сталкиваются с ограничениями, содержащимися в различных конституционных положениях.

В связи с этим является непреложным требование, согласно которому границы конституционных прав должны устанавливаться не только исходя из предмета их гарантии, но и в соответствии с требованием целостности конституции и, соответственно, с учетом их объективного значения – понимания в качестве элемента общей системы конституционного строя.

Ограничения по форме могут устанавливаться, в частности, конституционным требованием государственной охраны достоинства личности (ч. 1 ст. 21 Конституции РФ), правом на неприкосновенность частной жизни, на личную и семейную тайну, на защиту чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23 Конституции РФ) и др. Исчерпывающий перечень в данном случае может быть составлен на основе специального системного анализа положений Конституции РФ, поскольку различия между свободой слова и иными конституционно защищаемыми ценностями не всегда представляются явными: они возникают в конкретных жизненных условиях и при определенных обстоятельствах.

В связи с этим Конституцией РФ допускаются ограничения прав и свобод в соответствии с общей оговоркой, закрепленной ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Данное положение означает, что Конституция РФ наделяет федерального законодателя полномочием самостоятельно устанавливать такие границы. Часть 3 ст. 55 Конституции РФ предоставляет законодателю полномочие ограничивать основные права федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Другая оговорка закреплена в ч. 1 ст. 56 Конституции РФ. В отличие от первого, данное положение Конституции РФ предоставляет право на отдельные ограничения на основании закона при определенных условиях и при наличии конкретных обстоятельств.

Так, часть 1 ст. 56 Конституции РФ предусматривает, что в условиях чрезвычайного положения для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя в соответствии с федеральным конституционным законом могут быть установлены отдельные ограничения прав и свобод.

При этом в Конституции РФ закреплены конституционные основания введения чрезвычайного положения (ч. 2 ст. 56). Кроме того, устанавливается перечень прав и свобод, ограничение которых невозможно в условиях чрезвычайного положения (ч. 3 ст. 56 Конституции РФ). Обратим внимание на то, что в данном перечне право на свободу слова отсутствует.

Федеральным конституционным законом от 30.05.2001 (ред. от 03.07.2016) № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» право устанавливать отдельные ограничения предоставлено президенту РФ. Согласно п. «а» ст. 3 названного закона президенту РФ при введении чрезвычайного положения предоставлено право: устанавливать ограничения свободы печати и других средств массовой информации путем введения предварительной цензуры с указанием условий и порядка ее осуществления; на временное изъятие или арест печатной продукции, радиопередающих, звукоусиливающих технических средств, множительной техники; устанавливать особый порядок аккредитации журналистов.

Указанные ограничения обеспечивают действие основных прав с учетом необходимости защиты других конституционных ценностей. При этом Конституция РФ не может предусмотреть все возможные и необходимые ограничения основных прав, то есть раз и навсегда определить парадигму соотношения между гарантированными свободами и другими конституционными ценностями в конкретных условиях жизнедеятельности. Эти условия изменяются при определенных обстоятельствах, поэтому задача согласования конкретных жизненных обстоятельств с условиями осуществления конституционных прав и свобод поручается федеральному законодателю.

В Российской Федерации действует значительный круг федеральных законов, в которых закрепляются ограничения свободы слова в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Подобные законодательные решения являются оправданными. Отсутствие в Конституции РФ специальной оговорки к конкретному закону не исключает необходимости особой охраны предоставляемого права. В то же время общая практика не способна учесть отдельные исключительные обстоятельства. Так, использование законодателем только общей оговорки не позволяет установить особую конституционную значимость отдельных конституционных возможностей в системе прав и свобод.

Специальные оговорки к закону предусмотрены лишь в отдельных статьях Конституции РФ: это статья 25 Конституции РФ (ограничение законом неприкосновенности жилища) и часть 3 ст. 36 Конституции РФ (определение законом условий и порядка пользования землей) и некоторые другие. Среди таких оговорок нет права на свободу слова.

Конституция РФ ставит свободу слова в один ряд с большинством конституционных прав и не подчеркивает ее особую важность, поэтому отсутствует возможность установить, считает ли Конституция РФ свободу слова такой свободой, которая требует большей защиты. Свобода слова в Российской Федерации может ограничиваться в случаях, предусмотренных самой Конституцией РФ, в том числе согласно ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. При этом конкретные жизненные условия и обстоятельства, подпадающие под действие ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, определяются федеральным законодателем.

Вместе с тем нельзя не отметить, что практика во многом подвержена влиянию политических пристрастий, обусловленных конкретными обстоятельствами. Это в полной мере относится к изменению значимости права на свободу слова и необходимости тех или иных его ограничений в данных условиях жизнедеятельности. В силу этого решение вопроса о границах права на свободу слова во многом может определяться свободой усмотрения. Это привносит элемент нестабильности. С учетом изложенного на первый план выдвигается вопрос об общеправовых критериях законодательной деятельности в указанной сфере.

Известно, что полномочия, предоставленные федеральному законодателю конституционными оговорками к закону, обязательно должны рассматриваться в свете значения того или иного конституционного права, так, чтобы оговорка не обладала полной свободой действия в любом ограничении [17]. Злоупотребление оговорками к закону может привести к выхолащиванию его содержания, когда чрезмерно ограниченное конституционное право формально сохраняется, но фактически теряет свою регулятивную силу, а его значение в жизни общества в целом нивелируется.

Чтобы воспрепятствовать подобным злоупотреблениям, в конституции вносятся специальные нормы. Так, в абз. 2 ст. 19 Конституции РФ установлен запрет затрагивать существо ограничиваемого основного права. Посягательство на существо основного права определяется в доктрине как ограничение, вводимое по недостаточно веским основаниям, когда соответствующие

права и свободы лишаются своего значения сверх необходимости. Для предотвращения подобной практики на законодателя возлагается обязанность в каждом случае устанавливать практическое соответствие [18]. Целесообразно поэтому решить вопрос о соразмерности ограничений, определить особенности взаимосвязи основного права и его ограничения.

Конституция РФ не содержит подобных положений. Однако в практике Конституционного суда РФ широко используются общеправовые требования (принципы) соразмерности, необходимости, справедливости и пропорциональности ограничений, а также специальные правовые положения – необходимость обеспечить баланс между конституционно значимыми требованиями, публичными и частными интересами.

В обозначенном контексте следует отметить еще два важных обстоятельства. Во-первых, для определения основного содержания права на свободу слова с учетом его значимости в современном демократическом обществе законодателем должны быть приняты во внимание правовые позиции Европейского суда. Во-вторых, требование соразмерности ограничений определяется необходимостью этого ограничения в демократическом обществе. Именно этот подход использует Европейский суд для установления пределов вмешательства в осуществление права на свободу слова.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. В качестве пределов конституционного права на свободу слова в Российской Федерации выступают: а) основы конституционного строя, закрепленные в гл. 1 Конституции РФ; б) основы правового статуса личности, закрепленные в гл. 2 Конституции РФ; в) конституционные условия осуществления права на свободу слова, обеспечиваемые институтами публичной власти.

2. Имманентной границей для конституционного права на свободу слова является предмет его гарантии, а именно свобода коммуникации.

3. К непосредственным ограничениям права на свободу слова, содержащимся в тексте Конституции РФ, относятся следующие: запрет на сбор и распространение информации о частной жизни лица без его согласия (ч. 1 ст. 24 Конституции РФ), запрет определенных видов агитации и пропаганды (ч. 2 ст. 29 Конституции РФ), запрет публиковать сведения, составляющие государственную тайну (ч. 4 ст. 29 Конституции РФ), возложение ответственности на должностное лицо за сокрытие фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей (ч. 3 ст. 41 Конституции РФ) и за сокрытие достоверной информации о состоянии окружающей среды (ст. 42 Конституции РФ), обязанность давать свидетельские показания (ч. 2 ст. 51 Конституции РФ).

4. Границы права на свободу слова устанавливаются не только прямыми запретами, а также исходя из соотношения права на свободу слова с иными конституционно защищаемыми ценностями. Такие границы, в частности, установлены конституционным требованием государственной охраны достоинства личности (ч. 1 ст. 21 Конституции РФ), правом на неприкосновенность частной жизни, на личную и семейную тайну, на защиту чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23 Конституции РФ).

5. Большинство ограничений свободы слова, определяющих ее содержание, установлены законодательным путем в рамках использования двух оговорок к закону (ч. 3 ст. 55 и ст. 56 Конституции РФ).

Ссылки:

1. Пчелинцев С.В. О понятиях «пределы осуществления прав и свобод граждан» и «пределы ограничения прав и свобод граждан»: теоретические аспекты // Российский судья. 2006. № 4. С. 24.
2. Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России : учебник. М., 1997. С. 241.
3. Пчелинцев С.В. Указ. соч. С. 23.
4. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2005. С. 231.
5. Лапаева В.В. Конституция РФ об основаниях и пределах ограничения прав и свобод человека и гражданина // Законодательство и экономика. 2005. № 1. С. 11.
6. Глухарева Л.И. Права человека в современном мире (социально-философские основы и государственно-правовое регулирование). М., 2003. С. 285.
7. Постановление Конституционного суда РФ от 25 окт. 2001 г. № 14-П // СЗ РФ. 2001. № 48. Ст. 4551.
8. Постановление Конституционного суда РФ от 31 мая 2005 г. № 6-П // Там же. 2005. № 23. Ст. 2311.
9. Хессе К. Основы конституционного права ФРГ / пер. с нем. Е.А. Сидоровой. М., 1981. С. 167.
10. Лапаева В.В. Указ. соч. С. 13.
11. Хессе К. Указ. соч. С. 163.
12. Должиков А.В. Конституционные критерии допустимости ограничения основных прав человека и гражданина в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2003. С. 14.
13. Хессе К. Указ. соч. С. 163.
14. Там же. С. 164.
15. Там же.
16. Эбзеев Б.С. Указ. соч. С. 231.
17. Хессе К. Указ. соч. С. 167.
18. Там же.

References:

- Dolzhikov, AV 2003, *Constitutional criteria for the admissibility of the restrictions on fundamental rights of man and citizen in the Russian Federation*, PhD in Law thesis abstract, Tyumen, p. 14, (in Russian).
- Ebzeev, BS 2005, *Man, people, state in the constitutional system of the Russian Federation*, Moscow, p. 231, (in Russian).
- Hesse, K & Sidorova, EA (tran.) 1981, *Fundamentals of Constitutional Law of Federal Republic of Germany*, Moscow, p. 167, (in Russian).
- Glukhareva, LI 2003, *Human rights in the modern world (social and philosophical foundations and state legal regulation)*, Moscow, p. 285, (in Russian).
- Lapaeva, VV 2005, 'The constitution of the Russian Federation on the foundations and limits of restrictions on the rights and freedoms of man and the citizen', *Zakonodatel'stvo i ekonomika*, no. 1, p. 11, (in Russian).
- Pchelintsev, SV 2006, 'Concerning the concepts of "limits of citizens' rights and freedoms execution" and "limits of citizens' rights and freedoms restrictions": theoretical aspects', *Rossiyskiy sud'ya*, no. 4, p. 24, (in Russian).
- Voevodin, LD 1997, *The legal status of personality in Russia*, textbook, Moscow, p. 241, (in Russian).